

Ольга КОЛПАКОВА

Светлана ЛАВРОВА

ЧЕРЕП В КЛУБНИКЕ

Светлана Лаврова

**Череп в клубнике и другие
тайны Тополиной дачи**

Пре-пресс бюро «Генри Пушель»

2016

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лаврова С. А.

Череп в клубнике и другие тайны Тополиной дачи /
С. А. Лаврова — Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2016

ISBN 978-5-905672-27-9

Лето на даче... Кто-то прореживает морковку, поливает укроп и удобряет клубнику. Но это не про наших героев. Здесь посреди участка Отелло швыряется горшком, Офелия думает о смысле жизни, а Муму дружит с лягушкой. А чем заняты ребята, знакомые читателям по книгам «Верните новенький скелет!» и «Привидение – это к счастью»? Они раскрывают новые тайны, глобального и местного масштаба. Рядом, на даче с огромным Тополем, творится что-то странное: снежный человек, инопланетяне, археологи – всё смешалось в дачном посёлке «Ромашка». Но Стася, Иван, Саша и Дашенька в этом разберутся. Лишь бы запасы зелёнки не закончились раньше времени!

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-905672-27-9

© Лаврова С. А., 2016
© Пре-пресс бюро «Генри
Пушель», 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Отцы и дети	7
Глава вторая. След жареного оленя	10
Глава третья. Мама на грядке	14
Глава четвёртая. Тополиная дача	19
Глава пятая. Кошмар, летящий на крыльях ночи	21
Глава шестая. Утро с петухами	26
Глава седьмая. Откуда берутся люди	29
Глава восьмая. Отелло в клубнике	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Лаврова, Ольга Колпакова

Череп в клубнике и другие тайны Тополиной дачи

© О. В. Колпакова, текст, 2016

© С. А. Лаврова, текст, 2016

© М. Д. Богуславская, иллюстрации, 2016

© Генри Пушель, макет, издание, 2016

* * *

Предисловие

Было утро. Потому что, несмотря ни на что, повесть лучше начинать с утра. Между домиками и заборами дачного кооператива «Ромашка» доживал свой краткий век туман. Он ещё пыжился, пытаясь сделать вид, что он такой весь из себя непроницаемый, густой и вообще предсказывает бурю на море. Но солнце быстренько его рассеяло и по-хозяйски расположилось на клубничных грядках и кустах смородины. Одобряя этот процесс, заорал петух. Потому что некоторые дачники делали вид, что они всамделишные крестьяне, и держали всякую живность.

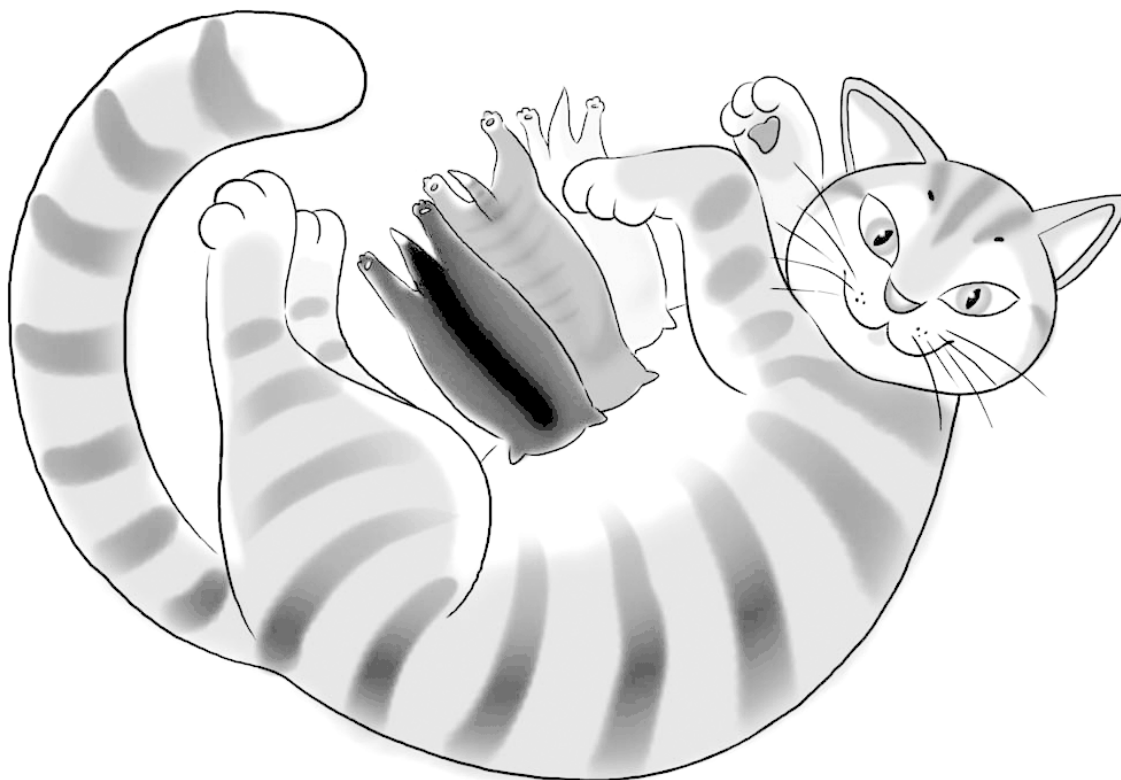
И конечно, никто не думал о преступлении. Во-первых, потому что все спали или ещё не приехали из городских квартир. А во-вторых... ну какое на даче преступление!

Глава первая. Отцы и дети

Всё началось с того, что кошка Картахена родила трёх котят.

– Ну и что теперь делать? – развела руками мама, глядя на злоумышленницу с присосавшимся потомством. – Раньше ты себе такого не позволяла. И не надейся, что я их буду топить. Я не для того десять лет преподаю детям про Муму, чтобы ради какой-то морально неустойчивой кошки поступиться своими принципами.

Картахена нахально облизнулась и ничего не ответила.

– Зачем тебе трое детей? – продолжала своё увещевание мама. – Родила бы одного котёночка, мы бы уж как-нибудь его потом пристроили... Двое определённо лишние.

– Да ладно, не обратно же запихивать, – весело сказал папа, с удовольствием слушая эту проповедь. – Зря стараешься. Она всё равно не раскаивается.

Младшая дочь Стася, очень довольная прибавлением семейства, вмешалась в разговор:

– По-моему, это вообще не котята. По-моему, это хомячки. Или другие какие-нибудь крыски. Мне-то что, я и хомячков люблю. А вот Картахена разочаруется, когда разглядит их получше. Может, они подкидыши?

– Папа, ты у нас биолог, внеси ясность, – велела мама.

Папа посмотрел на три комочка совершенно неприличного вида и сказал:

– Самые настоящие котята. Только маленькие, слепые. Стаська, не трогай их. Вот подрастут, откроют глазки, тогда наиграешься.

– Интересно, кто их папа? – спросила старшая дочь Саша. Она очень интересовалась вопросами семьи и брака.

– Как кто? Кошмар, конечно, – сказала Стася, имея в виду соседского пса по имени Кошмар. Его хозяева Лапшovy были хорошими друзьями Сергеевых, особенно это касалось младшего поколения – Ивана и Даши.

– Они долго дружили, а потом решили пожениться, – уверенно продолжала Стася. – И родились у них три дочери-красавицы...

Саша хихикнула.

– А нечего смеяться, – обиделась Стася. – Видишь, вот этот беленький на папу похож. Такого же цвета, как пузо у Кошмара.

– Ну, хорошо, один чёрный – в маму, другой белый – в папу. А в кого третий такой рыжий с конопушками? – спросила Саша.

Стася перебрала в уме всех своих знакомых.

– В Ваню Лапшова, – сказала она. – Он точно такого же цвета.

– Пожалуй, похож, – согласилась мама. – И такой же худенький... но шустрый, вон как лапками мамино пузо уминает.

– Мама, что ты говоришь? – ужаснулась Саша.

Мама смутилась:

– Я немного увлеклась. Ну, раз мы котят не топим, надо их как-нибудь назвать. Кстати, Стаська, с чего ты решила, что они – девочки?

– А у нас в семье мальчики не рождаются, – объяснила Стася.

– Логично, – хмыкнул папа.

– Слушай, ты у нас биолог, вот и определи пол у этих типов, – сказала мама.

Папа протянул руку за котёнком. Картагена насторожилась и выставила лапу. С когтями.

– Нет, – сказал папа. – Не надо волновать молодую мать. А то у неё молоко скиснет.

– И придётся ей кормить детей кефиром, – продолжила тему Стася. – А неизвестно, любят ли они кефир. Я вот не люблю.

– Давайте назовём котят независимо от пола, – предложила Саша. – Как-нибудь типа Венни, Ронни, Канди...

– Бренди... – поддержал папа. – Вот этот рыжий по цвету похож на бренди.

– Муму, – опять вспомнила мама. – Правда, мы его так и не утопили.

– А что? Муму – очень подходящее имя, – фыркнула Саша. – Полное имя – Муму Недо-топленное. Можно всех котят называть по имени исторических утопленников.

– Тогда вот эта беленькая – Офелия, – сказала мама. – По-моему, она была блондинкой. А больше я утопленников не помню. А, ещё Катерина в «Грозе».

– Не похож этот рыжий на Катерину, – упорствовал папа. – Он типичный Бренди.

– Нет, мы его назовём Ванечкой, – категорически сказала Стася. – В честь Вани Лапшова. Ему будет очень приятно.

– Ты же говорила, что они все девочки, – возразила Саша.

– Ну и что, девочки тоже могут быть Ванями, где-то в Болгарии или в другой балканской стране, – поддержал Стасю папа. – Полное имя – Иоанна. Но мне больше нравится Бренди.

Так Муму, Офелия и Ваня Бренди стали полноправными членами семейства Сергеевых. А к чему это привело, узнаем далее.

Глава вторая. След жареного оленя

Через положенное время у котят открылись глазки, они вылезли из коробки и начали завоевывать мир. Особенно свирепствовала Офелия, оказавшаяся энергичным и предприимчивым котиком. Каждые полчаса в квартире раздавался очередной бряк, и от разбитой вазы или опрокинутых часов удирала перепуганная белая тень.

Ваня Бренди донимал Сергеевых своей любовью к ласкам: он всё время требовал, чтобы его гладили, иначе обижался и принимался орать очень противным голосишком.

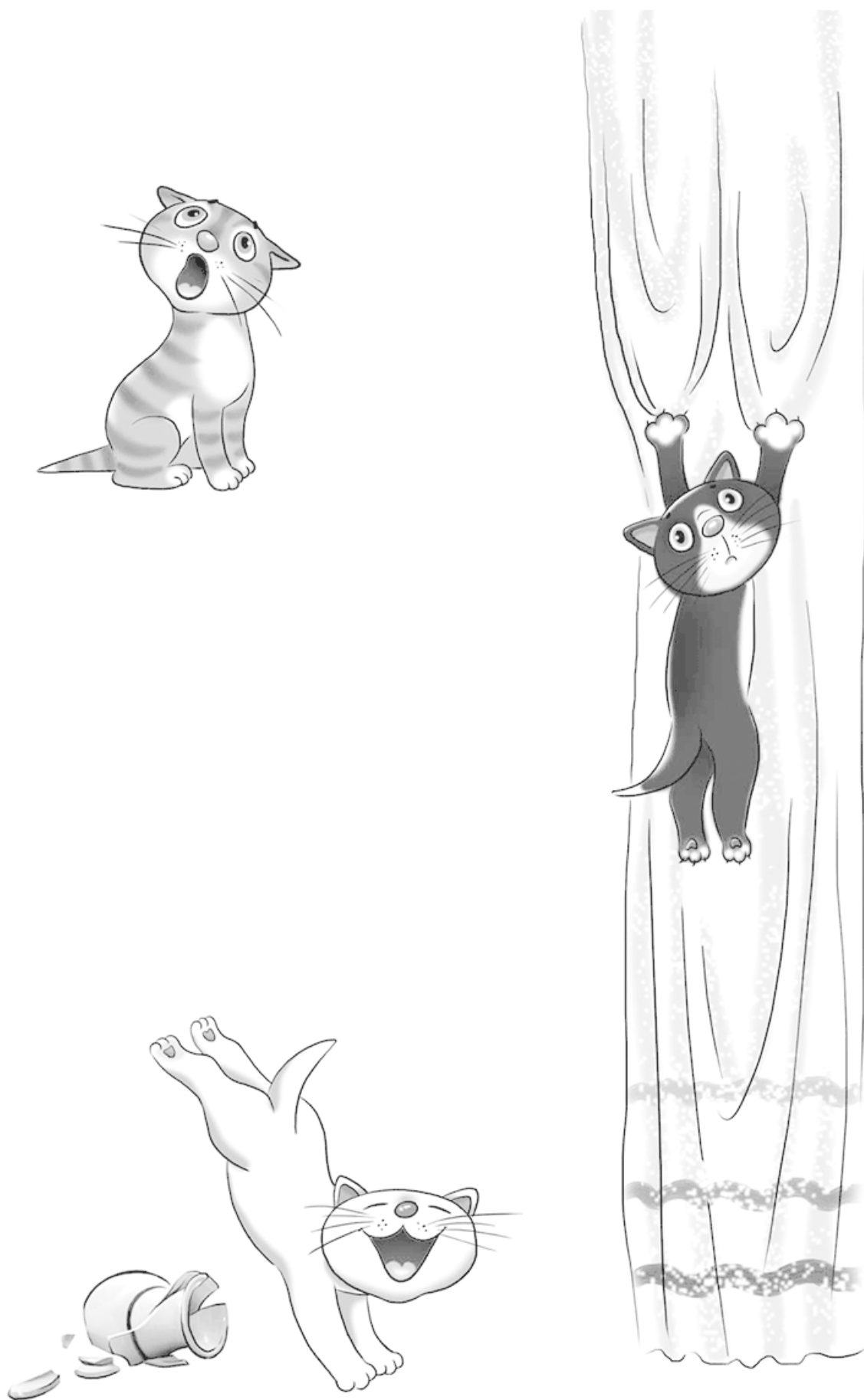
– У него комплекс неполноценности – говорила Саша. – Его надо всё время ласкать, иначе ему трудно придётся в жизни.

Но пока трудно приходилось Сергеевым.

Муму была спокойнее, зато, согласно своему имени, отличалась любовью к литературе: если найдёт книжку или газету, то обязательно погрызёт или когти поточит. Вообще, это был котёнок, склонный к созерцательности, – часто висел на шторе, зацепившись когтями и устремив взор куда-то вдаль.

– Это она обдумывает свою трагическую судьбу, – пояснила Саша.

Хуже всего было то, что Муму предавалась задумчивости не только на шторе, но и на том месте, куда вы как раз собрались поставить ногу при очередном шаге. Поэтому вид у неё всё время был какой-то полураздавленный.

– Всё! Я больше не могу! – сказал папа, спотыкаясь и наблюдая, как нечто с душераздирающим мявом улепётывает из-под его тапка. – Такое впечатление, что пол покрыт котятами в три слоя. Пока я шёл из кухни в ванную, наступил на шесть хвостов. Если учесть, что у нас дома четыре представителя семейства кошачьих, то откуда взялось ещё два хвоста?

– Пятый хвост был Стаськин, – объяснила Саша. – Она сейчас играет в лошадь Зорро.

– А шестой хвост был привиденьевым, – поддакнула Стася.

– Тогда почему этот хвост замяукал?

– С горя. На твой хвост наступить, ты тоже замяукаешь. Хочешь, продемонстрирую?

– Нет, – решил не рисковать папа. У него не было хвоста, но он знал, что его младшая дочь способна на многое. – И вообще, при чём тут хвосты? Я имел в виду, что всем нам надо выехать на природу, в лес, построить шалаш и жить там. Тогда мы перестанем наткаться друг на друга и наступать на животных.

– Ура! – сказала Стася. – Мы будем гулять, играть, купаться, собирать ягоды и жарить диких оленей!

– Минуточку, – поинтересовалась мама. – Кто конкретно будет жарить оленей?

– Ты, конечно, – сказал папа.

– Дудки, – отказалась мама. – Вы будете гулять, играть, купаться, а я как проклятая буду с утра до ночи жарить этих окаянных оленей, которых ещё неизвестно, как потрошить.

– Нет, что ты, мамочка, нам хватит одного оленя в день, – попыталась утешить её Стася.

– Знаю я вас! – огрызнулась мама. – На свежем воздухе у вас такой аппетит разыграется, что несчастный олень пойдёт на один зубок, на перекусончик между обедом и полдником.

– Олени охраняются государством, – заметила Саша. – Особенно жареные.

– Вот видите! – сказала мама. – Не хватало из-за вас в тюрьму сесть. А обиднее всего будет, если я оленя уже зажарю и тут заявится государство, отберёт оленя и будет его само охранять. Нет, шалаш в лесу отпадает.

– Тогда будем надеяться на чудо, – сказал папа.

И чудо свершилось. Вечером вся семья собралась за ужином. Ваня Бренди сидел на коленях у мамы и норовил боднуть головёнкой ложку, чтоб ложка его погладила. Муму висела на шторе. Офелия залезла в кастрюлю с остывающей картошкой, пригrelась там и уснула.

– Мне звонила тётя Лариса, – сказала мама, рассеянно глядя ложкой Ваню. – Она очень просит пожить три недели на её даче. Представляешь, произошло чудо: на работе ей оплатили половину горячей путёвки в санаторий в Крым – лечить суставы.

– А что, у Ларисы больные суставы? – удивился папа. Тётя Лариса была троюродной маминной сестрой, очень крепкой, энергичной женщиной, вкальывающей на своём садовом участке с убеждённостью трактора.

– Если оплатили полпутевки, то никакие суставы не выдержат и заболят от изумления, – возразила мама. – Такой случай, а сад оставить не на кого. На нас вся надежда. Я отказалась, конечно.

– Ты с ума сошла! – закричали хором папа и Саша. – В разгар лета пожить три недели на даче! И эти котята разбредутся по грядкам и перестанут попадать под ноги!

– Но я ничего не понимаю в садоводстве, – оправдывалась мама. – Если по моей вине погибнет какой-нибудь ценный огурец или аристократичный укроп, Лариса по возвращении убьёт меня своими вылеченными суставами!

– Ерунда, нас много, отобьёмся, – возразил папа и потащил маму к телефону. – Котов наших напустим, никакая Лариса не устоит. Звони, что мы согласны. Надо делать людям добро. Даже если эти люди – твои родственники.

Мама слабо брыкалась, но папа был сильнее. Через день счастливая тётя Лариса летела на юг, а семья Сергеевых в полном составе, включая кошек, приступила к освоению дачи.

– Если бы не котята, я бы ни за что не согласилась, – сказала мама. Так что во всём происшедшем повинны именно Картахена и её дети.

Глава третья. Мама на грядке

Растерянная мама стояла посреди участка. Вокруг простирались шесть соток, бесконечные, как саванны Африки, и такие же неизведанные.

– Ну и что мне со всем этим делать? – спросила мама. Ей никто не ответил, все были заняты. Саша ела клубнику. Стася ела всё остальное, что росло в саду, не слишком отличая петрушку от лебеды. Из рта у неё постоянно торчал пучок укропа, и казалось, что ребёнка нафаршировали перед тем, как зажарить. Папа ел чёрную смородину, хотя она была ещё красная. Картахена ела мышей. Её дети куда-то рассосались, потрясённые открывшимися возможностями. Видно было одну Муму, она висела на яблоне и думала о смысле жизни.

– Эй! – сказала мама. – Что-то тут надо полить... или полоть... Эй! Вы слышите?

Помидоры, огурцы и прочие жители сада не откликнулись. Возможно, боялись, что если они обнаружат своё присутствие и мама примется за дело, то будет ещё хуже.

– Это просто преступление – пускать меня на дачу, – всхлипнула мама. – Я же тут всё погублю! Оно же всё живое, а я не умею за ним ухаживать!

– Знаешь что, – сказал папа, пожалев несчастную супругу. – Надо пригласить специалистов. Вот когда в полиции следствие заходило в тупик, приглашали Эркюля Пуаро. Или Шерлока Холмса. Надо позвать кого-то, кто в состоянии отличить огурец от крыжовника. Я, конечно, биолог, но не до такой степени...

– Это Ольга Лапшова! – обрадовалась мама. – У неё в деревне были какие-то родственники, и она когда-то к ним ездила... Решено! Приглашаем в гости всех Лапшовых! С коварными намерениями!

– Не может быть, мамочка, чтобы ты совсем ничего не знала об овощах, – сказала Саша.

– Отчего же? – возразила мама. – Как учитель литературы я знаю, например, синьора Помидора из «Чиполлино». Ещё было такое бессмертное произведение про огурцы: «Огуречик-огуречик, не ходи на тот кончик, там мышка живёт, тебе хвостик отгрызёт».

– Лучше по-другому, – поправила Саша. – «Там мама живёт, вдруг прополет и польёт».

– Вот уж правильно: «вдруг», – вздрогнула мама. – Упаси Боже несчастного огуречика от моего тлетворного влияния. Никакая мышка со мной не сравнится.

Несмотря на то, что Стася была всецело поглощена укропом, стих про огуречик она запомнила и одобрила. Под этот стих оказалось удобно прыгать через грядки: огуречик-огуречик – прыг, не ходи на тот кончик – прыг... Вот только хвостик было жалко, и Стася придумала счастливый конец: «Там мышка живёт, тебе хвост второй пришьёт». Потом представила себе огурец с двумя хвостами и засомневалась, что лучше: совсем без хвоста или сразу с двумя. И побежала в дом – найти какие-нибудь два хвоста и примерить перед зеркалом.

Как пишут в сказках, долго ли, коротко ли, но приехали Лапшовы: мама Оля, Иван, Даша, Максимка и пёс Кошмар. Папа Миша не приехал, потому что работал. А бабушка Лидия Семёновна не приехала, чтоб он не чувствовал себя брошенным. Хотя он и не чувствовал ничего такого, а просто наслаждался недолгим покоем, который редко случается, если в семье трое детей, причём младшему чуть больше года.

Мама Оля походила по грядкам, подумала и составила для мамы Лены следующий документ:

Инструкция

1. Вечером полить из шланга всё, кроме дома. Если идёт дождь, можно не поливать.

2. Если жарко – открыть теплицу, если холодно – закрыть. Если средне – сделать вид, что ты ни при чём.

3. Гонять дроздов от клубники, по возможности не наступая на эту самую клубнику.

4. Всё, что растёт на грядках, можно есть. Всё, что растёт между грядками, можно выполоть.

5. Всего и делов-то, а ты боялась!

Мама прочитала документ и немного воспрянула духом – вроде ничего трудного. Гости наелись клубники, позагорали, отдохнули, собрались уезжать... и тут процесс забуксовал. Оказалось, что Иван и Даша уезжать не собираются. Ну никак не уезжается у них. Мама растерялась. Обычно послушных и управляемых детей словно подменили. Стася держала обеими руками Дашеньку, чтоб её не оторвали силой и не увезли в город. Саша Ивана, конечно, не держала, вот ещё. Но она снизошла до того, что показала ему потайное место на чердаке, где можно было спрятаться и подождать, пока мама уедет. Кошмар, которому приволье дачи тоже понравилось, распластался в клубнике и притворился ягодкой.

– Да оставайтесь насовсем, – сказал папа, видя всеобщие страдания. – Дом большой, можно сказать, двухэтажный. Если чердак считать за второй этаж.

– Правда, Оля, я была бы так рада, если бы ты осталась и разобралась со всей этой флорой, – попросила мама Лена.

– Ни в коем случае, – отказалась мама Оля. – Мне с Максимкой обязательно надо в город. У нас запас памперсов на исходе.

– Пусть голый ползает, – предложил папа. – Грядки удобряет.

Но обе мамы возмутились – фи, неприлично, негигиенично, холодно.

– Я придумала, – сказала Саша. – Давайте вы останетесь до завтра, до утра. За одну ночь Малявка много памперсов не уделает. А утром вы с Малявкой уезжайте хоть в Париж, а Дашу с Ванькой нам оставьте. И Кошмара.

– В этом что-то есть, – признала мама Лена. – Особенно про Париж. Но мы сделаем ещё лучше. Мой муж уедет в город и...

– Что? – обиделся папа. – Лучше, если я уеду?

– Да нет, ты уедешь только на одну ночь, потому что мы при переезде забыли кучу нужных вещей. Я тебе список написала, длинный, как «Слово о полку Игореве». Там моя синяя мочалка, тональный крем номер шесть...

– Зачем тебе на даче тональный крем? – удивился папа, который не хотел никуда ехать.

– От него комары дохнут, – пояснила мама. – Там в списке ещё много чего есть. Ты уедешь сейчас на восьмичасовом автобусе и зайдёшь к Лапшовым. Скажешь, что они остались на даче и пусть Миша утром за ними приедет. Завтра же суббота, нерабочий день. Жалко, что телефон здесь не ловит, а то бы позвонили, и все дела.

– А когда дядя Миша приедет, мы ему Дашу не отдадим, – встревоженно сказала Стася. – И Кошмара. И Ваню тоже можно оставить.

– И пусть привезёт сменную одежду для детей, – сказала мама Оля, которой эта мысль всё больше нравилась.

– Тогда я поехал, – сказал папа. – Никто меня в этом доме не понимает, все гонят. Вот приеду в город, возьму такси, поеду в ресторан с роковой блондинкой...

– Увы, – вздохнула мама Лена. – На такси ты у соседей ещё можешь занять до полочки, а на ресторан с блондинкой уже не хватит. Наше семейное счастье прочно покоится на фундаменте нашей своеобразной зарплаты.

– Да, – согласился папа и пошёл на автобусную остановку. А мамы стали решать проблему: как разместить на ночь всех находящихся на даче.

– Очень просто, – сказала мама Лена. – Мы не будем возиться с индивидуальными постелями и расстелем все матрасы на чердаке, прямо на полу. На них положим простыни и прочие подушки, и получится цыганский табор. Только Ивану придётся постелить внизу, на топчанчике в кухне, чтобы соблюсти приличия. Он как-никак на сегодня единственный наш мужчина, не считая Малявки.

– Топчанчик мне обещали, – насупилась Саша. – Там можно читать перед сном, никому не мешая.

– Со следующей ночи ты будешь спать на топчанчике, Стасю, Дашу и Ивана запихнём на чердак, а мы с папой ляжем в комнате рядом с тобой, – терпеливо пояснила мама Лена. – А сегодня будет общая спальня, как в казарме, и не капризничай.

Сказано – сделано. Пол на просторном чердаке застелили матрасами, сверху набросали подушки-одеяла и начали ловить Стасю и Дашу, которые в восторге носились по всем постелям взад и вперёд.

– А вдруг они так всю ночь будут бегать? – ужаснулась мама Оля. – Я уже жалею, что не уехала в город.

– Это напоминает мне школьную перемену, – вздохнула мама Лена. – Там тоже все бегают.

– Надо подставить подножку, навалиться и придавить подушкой, чтобы не вырвались, – посоветовал Иван, с завистью глядя на всеобщее лежбище. – У вас тут, похоже, весело будет. А я, как заразный, один в кухне... Сашка, давай меняться.

– Дудки! – отказалась Саша. – Мне тоже этот бедлам нравится. Стася, не затопчи Малявку. А если ты, Ванька, хочешь спать с нами, то ложись вон там, на коврике у двери, дабы не оскорблять нашу стыдливость.

– Что я тебе – бобик? – обиделся Иван. – Я от вас ухожу.

– Правильно, погуляй, Ванечка, пока я тебе постель внизу постелю, – сказала мама Лена. – Тебе лучше всех будет спаться. Утром на чердак прилетают завтракать стаи голодных комаров. А на кухню – нет.

Она это просто так сказала, чтобы утешить расстроенного Ивана, но Сашка тут же взвилась:

– Комаров?! Я не люблю комаров! Если прилетит хоть один комар, я тут же бегу вниз на топчанчик прямо Ваньке в объятия, и мне плевать на приличия. Комары важнее всех приличий.

– Ты меня раздавишь своим весом, – отомстил Саше Иван. Саша, болезненно относившаяся к проблеме талии и всего остального, оскорбилась:

– А ты... а ты...

– Хватит, – сказала мама Оля. – Иван, марш выгуливать Кошмара!

– Он и так с утра выгуливается, – проворчал Иван и, увернувшись от расвирепевшей Сашки, пошёл к выходу. В спину ему полетела подушка, но не долетела и шлёпнулась рядом с Малявкой. Тот в ужасе заорал, Даша за компанию тоже. Стася не поняла, из-за чего крик, и на всякий случай присоединилась громко и радостно:

– Там Малявка орёт, тебе хвостик отгрызёт!

«Хорошо, что я уже ушёл», – подумал Иван.

Глава четвёртая. Тополиная дача

Иван не спеша выгуливал Кошмара по тропинке с названием «улица Тополиная». Пёс, конечно, не нуждался ни в какой вечерней прогулке. Он уже успел облаять всех многочисленных животных «Ромашки» и выпросить остатки ужина в нескольких домиках. В прогулке нуждался Иван, будучи в расстроенных чувствах после Сашкиных подначек. Дачники, густо намазанные всевозможными мазями от комаров, уже закончили поливать, полоть и копать и пили чай с душистым смородиновым листом, расположившись кто на крылечке, кто на балкончике. Вечер был тёплый, сумерки – уютными.

Иван услышал, как соседка бабка Терёха звала своего петуха Прокопа. Голос у старушки был звонкий и громкий. Увидев Ивана, она прекратила поиски и хмуро посмотрела на Кошмара.

– Понаехали тут, – непонятно почему рассердилась бабка. – Отойди давай от чужой малины!

Иван пробормотал извинение, подтянул собаку поближе и поспешил дальше. Впрочем, шагать было некуда, Тополиная закончилась двумя домами. Напротив бабки Терёхи жил дядя Никита. С ним Иван познакомился утром и даже успел подружиться. Дядя Никита был сторожем. Домик дяди Никиты был как из сказки: весь в резных завитушках, ворота с аркой, а на каждой штакетине вырезано по солнышку. Ещё он смастерил на опушке леса качели, а возле ручья ступеньки с перилами-гномиками. А бабке Терёхе не стал делать насест для Прокопа,

потому что у них была война. Не с Прокопом. С бабкой. Вредная старуха вообще вела обширные военные действия против большинства дачников «Ромашки». И Иван тоже ощущал на спине её пристальный партизанский взгляд.

В самом конце дорожки находилась странная пустующая дача, которая и дала название улице. Дача стояла на крутом холме, и единственное, что произрастало на участке, – огромный старый тополь. Корявые корни дерева местами выпирали из земли, будто не помещались в этом холмике. А верхушку дерева нельзя было рассмотреть – она протыкала небо и разрасталась дальше за облаками.

Холм порос разнотравьем, и Иван остановился у перекошенного забора, стал вдыхать чудный запах нагретой за день травы и думать об обратной стороне неба. Это были настоящие летние мысли, связанные с приключениями, звёздами, инопланетянами и прочими тайнами.

– Самая классная дача на свете! – решил Иван. – Без всяких грядок и узеньких дорожек, в которые я не вписываюсь. Только с травой и деревом. И лесом.

С другой стороны сразу от подножия холма начинался тёмный густой ельник.

Иван прислушался. Станный шум доносился с южной стороны, от полей. Шум усиливался, и Иван Лапшов, подняв голову к небу, увидел огромную стаю больших чёрных птиц. Вороны закрыли собой всё небо и тёмной тучей приближались к тополию.

«Как в кино! – подумал Иван, зачарованно глядя вверх. – Такие зловещие вороны над сражающимися викингами... или перед появлением на экране вурдалака». Очень хотелось кинуть вверх какую-нибудь палку, спугнуть ворон. Иван раздвинул заросли полыни и лебеды, шагнул к дереву, и тут дверь заброшенной дачи открылась. На крыльцо, огороженное с двух сторон перильцами, вышел то ли человек, то ли медведь, то ли обезьяна.

Иван присел, и сорняк скрыл его с головой. Он потёр глаза, думая, что в сумерках всякое может померещиться, и, не дыша, чуть-чуть раздвинул траву.

У Лохматого были длинные руки. Он почесал себе голову и то ли вздохнул, то ли зевнул. Затем медленно, сутулясь, стал спускаться с крыльца. Иван задом пополз к забору. Боясь поворачиваться к даче спиной, парень попытался ощупью найти дыру в ограде. Вдруг рука уткнулась в длинную жёсткую шерсть. Иван вскрикнул и уже было приготовился ринуться обратно к тополию, но Кошмар вовремя лизнул хозяина.

– Дурак! – зашипел Иван. – Как ты меня напугал!

Он нырнул между штакетин и, крепко держась за Кошмара, помчался к своей даче.

Удивлённый небывалой скоростью вечерней прогулки, пёс бежал молча, изредка поворачивая голову к Тополиной даче. Из-за своего забора наблюдала за Иваном бабка Терёха.

Глава пятая. Кошмар, летящий на крыльях ночи

Сбросив тенниски на крыльце, Иван запихнул Кошмара на веранду, пулей залетел следом и закрылся на крючок. Хлипкий старенький крючок. В доме было тихо. Умотавшиеся за день женщины и дети спали. «Лохматый!» – повторил привязавшееся словцо Иван и наконец понял, откуда это. В какой-то передаче про тайны и загадки так называли снежного человека. Иван пошарил вокруг, пытаясь отыскать более-менее тяжёлую мебель, чтобы забаррикадироваться. Мало приятного, если этот Лохматый решит навестить их ночью.

Шкаф. Не поднимать. Ветхий кухонный столик, тумба для садовой обуви, корзина, несколько вёдер, Дашкин совок для песка. Всё было привалено к двери за считанные секунды. Затем Иван проверил все щеколды на окнах, выбрал из садового инвентаря самый грозный – новые грабли – и пошёл на кухню, на топчанчик. Ещё какое-то время ушло на борьбу с забравшимся на его кровать Кошмаром, и вот наконец Иван мог спокойно обдумать увиденное.

– Снежный человек? Сбежавшая из зоопарка горилла? Медведь, вышедший из леса? А может, просто беглый заключённый? Инопланетянин... Нет, те обычно лысые... Кто скрывается на заброшенной даче? Кто и почему?

Иван старался придумать нестрашную версию странной встречи. Но в кромешной темноте, джунглями выросшей вокруг, ничего жизнерадостного не получалось. Иван закрыл глаза. Так было гораздо светлее, появились весёлые искорки, огоньки и... лохматая рука, медленно выползающая из-под кровати с мерзким шуршанием. Ванька открыл глаза и сел.

– Идиот, – сказал он себе вслух, – мышшь пробежа...

Отчётливо хлопнула калитка.

– Какая большая мышшь, – подбодрил себя Иван и попробовал спустить с кровати ноги. Ноги не хотели. Да и голова изъявляла желание забраться поглубже под подушку.

В доме было тихо. Зато на улице раздался странный глухой удар и ещё один... и ещё...

– Это не у нас, это на дороге... – Иван слез с кровати и, едва переставляя ноги, пошёл на второй этаж – проверить, живы ли все остальные... и, честно сказать, может быть, случайно разбудить маму.

– Надо включить свет, – решил он и понял, что не успел днём заметить, где находится выключатель.

На лежбище спокойно дышали многочисленные спящие, не подозревая об опасности. Стаська заворочалась и сообщила запавшую днём в душу фразу:

– Тебе хвостик отгрызёт...

Иван, прячась за шторкой, выглянул в окно. Темнота. Мальчик беспомощно принялся шарить по стене – вдруг найдётся этот дурацкий выключатель. Обследуя стену на веранде, он отчётливо услышал, как кто-то, тяжело дыша, поднялся на крыльцо, несильно поскрёбся в дверь и потянул за ручку.

– Лестница... – прошептал Ваня. – Лестница на второй этаж стоит у окна.

На улице снова раздался глухой звук удара и послышался слабый нечеловеческий вскрик, перешедший в злое шипение.

– Он об неё стукнулся! – догадался Иван и даже слегка порадовался, что тот, на улице, вероятно, плохо видит в темноте.

Неважное ночное зрение не остановило непрошеного гостя. Иван чётко услышал скрип перекладин. И вдруг новый странный, необъяснимый звук: словно градины стучат по карнизу. Следом – злое бормотание.

Чердачная дверца и окно были закрыты изнутри. В них поскребли когтями и, осторожно прокравшись по пологой крыше, начали спускаться по лестнице вниз.

Сложно сказать, что толкнуло Ивана на следующий поступок, возможно, какой-нибудь американский боевик, это пусть психологи разбираются... В общем, Ванька-терминатор распахнул окно и, навалившись всем телом, оттолкнул лестницу от стены.

Жуткий вой пронёсся над дачными крышами. Мамы одновременно вскочили, схватив первое, что попало под руки: Сергеевой маме Лене попала лопатка для торта, а Лапшовой маме Оле – Малявка. Кошмар бешено залаял. Дашка и Малявка проснулись и захныкали. Саша вскочила, стукнувшись обо что-то... Только Стаська сунула голову под одеяло и вздохнула. Иван захлопнул окно и закричал:

– Свет! Включите свет! – и побежал к входной двери. Как назло под ноги ему попался табурет, который наш супермен Лапшов так удачно обходил в первой, относительно тихой половине ночи. На табуретке стоял томатный сок, оставленный Дашей. Искры из глаз отважного защитника дачи на какое-то мгновение осветили комнату и помогли маме Лене добраться до выключателя. Но томатный сок загасил их, не дав возродиться пламени. Зато вспыхнуло электричество.

С улицы можно было прекрасно разглядеть, как в ярко освещённом домике женщина с острой лопаткой в руках склонилась над окровавленным мальчиком.

– Силы небесные! – призвал кто-то неведомый, наблюдая за жуткой картиной с луковой грядки, и тут же, вскочив, запнулся о лестницу, взрыхлил соседнюю грядку с остатками спелой клубники. Через секунду хлипкая входная дверь заходила ходуном.

– Кто там? – испуганно спросила мама Оля, прижимая к груди Малявку.

– Сто члусилоч?! – кричали за дверью.

– Сто кого? – оживился слегка контуженный табуретом Иван, пытаясь представить себе целое стадо члусилочов.

– Да боже ты мой, Оля, Лена, это я! – кричал на крыльце кто-то незнакомым голосом.

– Миша? – неуверенно предположила мама Оля и уже метнулась открывать двери, но бдительная мама Лена схватила её за рукав.

– Миша? Здесем ты ночью сём? – тоже путая от волнения буквы, спросила мама Лена. – Тьфу. Тысем zde семье ночь?

– Вы на каком языке говорите? – робко поинтересовался Иван, надеясь, что за дверью окажется какой-нибудь неопасный знакомый тёти-Ленин инопланетянин.

– Что у вас случилось? – повторили за дверью. – Ванька, ты живой? Оля, да открой же!

Мама Оля задумчиво посадила Малявку рядом с Дашей на топчанчик, велела Кошмару сидеть рядом, а сама уверенно направилась к двери.

– Миша, это ты? – твёрдым голосом спросила она.

– Не открывай! – зашептала ей мама Лена. – Где это видано, чтобы твой Миша шатался по ночам?

– Миша, – прильнув к двери, сказала мама Оля, – это, наверное, не ты, потому что ты по ночам не шатаешься...

– Господи, ну почему не шатаюсь! – справедливо недоумевали за дверью. – То есть я не шатаюсь, я очень уверенно стою...

– Что? – грозно сказала мама Оля, отобрав у мамы Лены лопатку для торта. – Значит, ты не шатаешься! Это ты, значит, на работе? А кто тогда там за тебя уверенно стоит?

В разговоре наступила длинная пауза. Видимо, обдумывали ответ. Но вопрос был настолько сложный, что ничего конкретного не придумывалось. Наконец за дверью сообщили:

– У нас была вечеринка на работе, потому что сегодняшней номер разошёлся стотысячным тиражом благодаря моему материалу. И я премию получил, хотел семью порадовать. А семья осталась ночевать на даче и меня не пускает. Хотя я этой самой семье черешню привёз... только уронил. И ещё бутылку... кваса. Только тоже уронил. К тому же меня хотели прибить

лестницей. Я её тоже уронил. И ещё я в окне видел страшную картину. И если вы кого-то убили, то лучше скажите сразу...

– Это Миша, – зашептала мама Оля, – голос похож.

– Голос и подделать можно, – также шёпотом ответила мама Лена. – В литературе сколько угодно примеров, как беззащитных женщин обманывал какой-нибудь маньяк. Вспомни хотя бы Красную Шапочку.

– Или «Семеро козлят», – добавила начитанная Саша.

– Мам, надо у него спросить что-нибудь такое, чего никто, кроме папы и тебя, не знает, – посоветовал Иван и, взяв у мамы лопатку, приложил её к левому виску.

– Хорошо, – согласилась мама Оля и надолго задумалась.

– Может, спросить, сколько у вас детей? – неуверенно предложила Саша, но Иван только фыркнул на такое наивное предложение.

– Я пока на крыльце посижу, – предупредили за дверью. – Я устал.

– Постой, постой! – обрадовалась мама Оля. – Я придумала. Если ты мой муж, отец моих детей, то скажи, какое первое слово сказал Иван.

– Борщ, – ответили на крыльце.

– Ну??? – набросились на маму Олю осаждённые дачники. – Правильно?

Мама Оля нахмурилась:

– Не борщ, а суп. И это не Иван, а Даша сказала.

– Такая толпа детей, разве за каждым запомнишь, – заворчали на крыльце.

– Вторая попытка, – объявила Саша. И все опять глубоко задумались. А на крыльце, кажется, даже немного захрапели.

Малявка, Даша и Кошмар мало интересовались происходящим у двери. Они обнаружили в Ваниной подушке дырку и, совсем немножко расковыряв её, доставали пёрышки, подбрасывали их вверх. Пёрышки долго и красиво кружились.

– Мы будто бы на Северном полюсе, – сказала Максимке Даша. – А Кошмар будто бы белый медведь. Давай сделаем пещеру и все в неё залезем...

Тем временем на крыльце храпели всё громче, и это мешало маме Оле думать над контрольным вопросом.

И она постучала в дверь. На крыльце недовольно завопили и поинтересовались:

– Кто там ночью так тарабанит?

– Это мы... – обескураженно ответила мама Оля.

– Ага, мы! Голос и подделать можно, – не поверили снаружи и зевнули. – Я открою, а вы на меня, может, с лопаткой наброситесь.

Мама Лена, распихав наваленную у двери утварь, откинула крючок с петли. В проёме стоял мужчина. Кровавые лохмотья висели у него на щёках и на лбу. Женщины в ужасе замерли.

Оглядев поле боя и поскоблив грязной рукой прилипшие и размазанные по лицу ягоды клубники, мужчина грустно констатировал:

– Во всем доме только один нормальный человек. Вон он. К сожалению, он не принадлежит к семейству Лапшовых.

Это он сказал про Стаську, которая с закрытыми глазами стояла на лесенке, ведущей с чердака, и выглядела тихо и невинно, а не как остальные – в перьях и томатном соке. Она ещё не вполне проснулась и сказала, не открывая глаз и явно имея в виду папу Мишу:

– Тебе хвостик отгрызут...

Потом Стася открыла глаза и тоже пошла дуть на пушинки.

Пух кружился по комнате, прилипая к облитому соком Ивану, вымазанному ягодой папе, к лохматому Кошмару и ко всем остальным.

Дашенька, вся пушистая, как зимний зайчик, радостно осмотрела комнату и кивнула папе:

– Видишь, как здесь весело. Даже ночью. Надо здесь навсегда остаться.

– Да, – согласился папа Миша. – Только боюсь, я не выживу, если такое веселье с лестницей будет повторяться слишком часто.

Если вы думаете, что после этого все умылись и улеглись спать, то глубоко ошибаетесь. Потому что тут в посёлке вырубилось электричество. В дачном посёлке «Ромашка» было такое интересное электричество, хронически вырубленное. Мама Лена нашла свечки, и, расставив их вокруг, все принялись собирать пух в целлофановые пакеты. И все, кроме Дашеньки, недоумевали, как в обыкновенной подушке может поместиться столько пуха. А Дашенька недоумевала, почему в подушке один только пух с перьями, а самой птички нету.

Когда пухом набили пять пакетов, все, кроме Ивана и Саши, поднялись на чердак. Саша искала подсвечник для своей свечи, а Иван развлекался, строя из рук смешные тени. Он перебирал, перебирал пальцами, и вдруг на стенке шкафа появилась странная фигура, напоминающая обезьяну. Вспомнив, с чего всё началось, Иван вздрогнул.

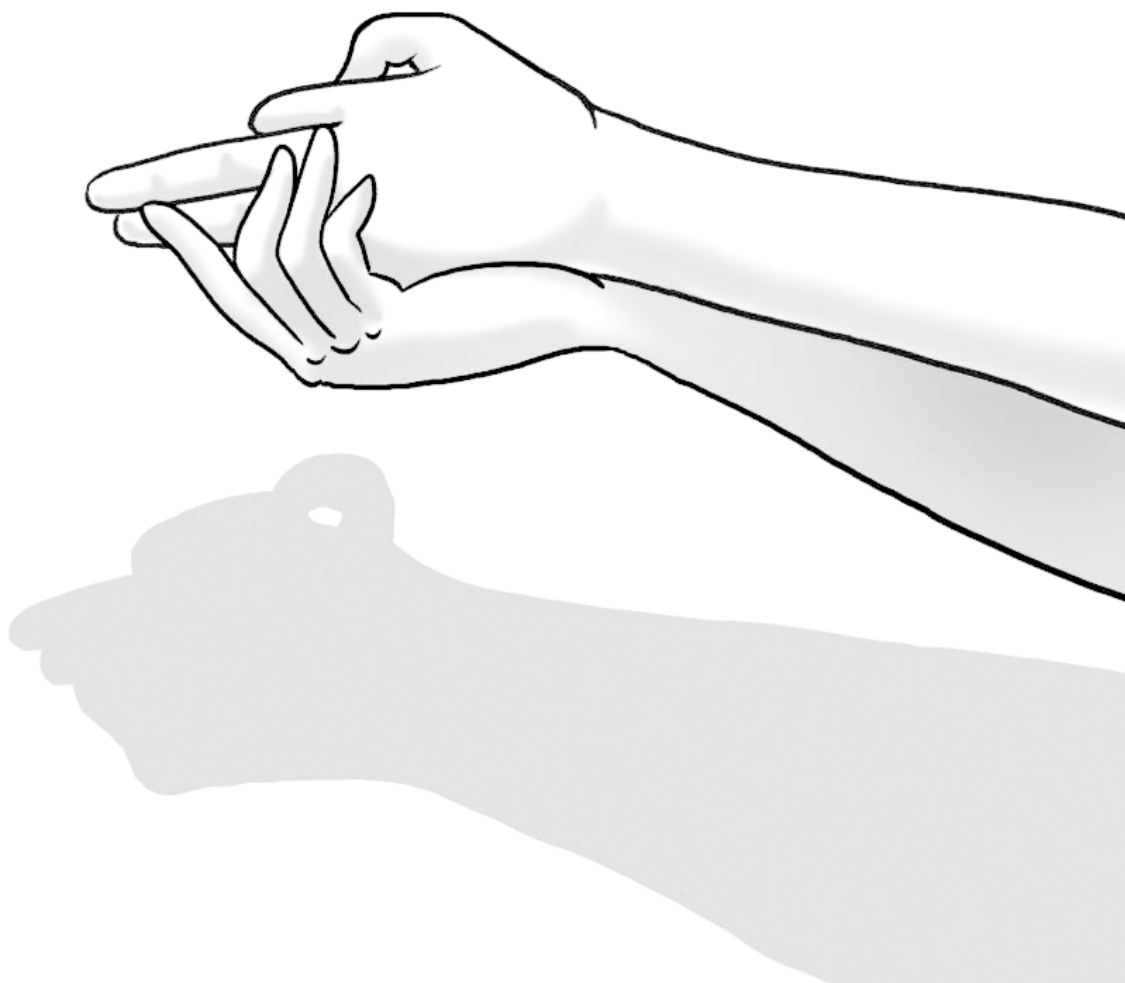
– Клянись, что не будешь ехидничать, и я тебе что-то расскажу, – сказал он Саше, дунув на свечку. – Лучше утром.

– Чтоб мне каждую ночь так спалось! – поклялась Саша.

За окном светила луна. Всё небо было в мелких, как брызги, звёздочках, которые можно было разглядывать, не вставая с топчана.

Иван, решив проверить, видно ли отсюда дачу на холме, уверенно шагнул к окну.

Дачный посёлок вздрогнул от очередного жуткого воя. Вопил Иван. Притаившиеся новенькие грабли радостно съездили Ваньку по лбу.

Глава шестая. Утро с петухами

Наверное, тот петух, про которого у кого-то хватило воображения сказать «поёт», был не совсем петухом, а петухо-соловьём или малиновко-петухом. Потому что такого слова, в смысле «поёт», ни сказать об орущем в шесть часов утра хриплым голосом придурке, ни подумать нельзя.

Первые десять минут этого настойчивого ора Иван думал только о хорошо пристрелянной двустволке, присутствие которой как никогда утешило бы его в сегодняшнее утро. Через следующие десять минут ритмичного кукареканья под окнами дачи № 6 смерть петуха от многочисленных ранений показалась Ивану слишком лёгкой. Натягивая шорты, он отчаянно пытался подумать о чём-то хорошем, чтобы не лопнуть от злости. Например, об этих ангельских созданиях – молчаливых дождевых червяках.

Саша спустилась с чердака, закутавшись в одеяло.

– Я и не предполагала, что могу кого-то ТАК СИЛЬНО ненавидеть, – пробормотала она. Иван понимающе кивнул. И с решительными лицами молодые люди вышли в сад.

Сергеевы с Лапшовыми привыкли к разным городским шумам, но такое истощное, на износ, кукареканье было им в диковинку и даже несколько пугало. Укутавшись в одеяла, почти все обитатели дачи собрались на крыльце и озадаченно смотрели в сторону Терёхиного участка. Прокоп взлетел на забор и тоже посмотрел на соседей.

– О-ох, – раздался на крыльце дружный вздох сожаления – ни у кого под рукой не оказалось увесистого камня. Прокоп, полюбовавшись на дело горла своего, прыгнул к себе на участок и, время от времени покуракивая, пошёл завтракать. Наивные городские жители сидели на крыльце и надеялись, что петухи кукарекают только на восходе и закате, в строго отведённое для этого время.

Прокоп же, как и множество других неорганизованных современных петухов, кукарекал под настроение. А если учесть, что жаловаться ему было в общем-то не на что, настроение у него всегда было кукарекательное.

В отличие от бодрого Прокопа участок выглядел в это прекрасное утро, как и временные хозяева, – несколько пришибленно. Под окном на блестящих листьях мяты декоративно поблёскивали бордовые и жёлтые ягоды черешни – папа Миша действительно привёз вчера черешню и полез ночью в чердачное окошко с пакетом, который лопнул, выпустив на свободу пять килограммов ягод. Практичная Даша тут же отправилась «по ягоды», сообщив, что вот с таких грядок, кучками, собирать черешню гораздо удобнее, чем с дерева.

Клубника после папиного воздействия была в плачевном состоянии.

– Нужно было тебе падать в другую сторону, – благоразумно заметил Иван.

– Сильно благодарю, – ответил папа, косясь на колючий крыжовник.

– Видишь, как всё хорошо складывается, – заметила мама Лена, перелив из лопнувшей бутылки остатки кваса, которых всё ещё могло хватить на окрошку. – Будем считать, что нам повезло.

– Ага, особенно мне, – недовольно пробормотал Иван. – Не каждому выпадает честь носить такой внушительный фингал.

– Не брюзжи, – сказала мама Оля. – Это просто счастье, что ты не выбил себе глаз или не получил сотрясение мозга. Счастливчик.

И все продолжили наслаждаться первыми лучами солнца.

Только Стася спала. И это было что-то непостижимое, когда приключения вдруг произошли без её активного вмешательства. И Саша подумала, что, пожалуй, Стаська просто набирается сил для чего-то ещё более грандиозного, как, например, всемирный потоп или рытьё дырки сквозь земной шар.

Глава седьмая. Откуда берутся люди

На девятичасовой электричке приехал папа Андрюша. Он привёз много забытых в спешке, но крайне необходимых на даче вещей: Стасин левый носок без дырки, мамину книгу «Блюда тайландской кухни», Сашину косметичку с зелёной помадой и оранжевыми тенями... и фотоаппарат.

– Это не наше, – подозрительно сказала мама Лена.

– Теперь наше, – возразил папа, приготовившись, что его будут ругать за лишние расходы. – Я купил для Сашки в подарок. Будет фотографировать нас на даче. Нельзя же не запечатлеть для истории такую экзотику: тебя в роли садовода.

Саша замерла, не веря своему счастью.

– И на какой праздник этот подарок? – спросила мама.

– На день летнего солнцестояния, – твёрдо сказал папа. – И не говори, что он уже прошёл. Я считаю, что на даче жизнь очень выгодная. Все продукты свои. По крайней мере, укроп точно свой. На одном укропе сколько денег сэкономили, на целый фотоаппарат хватило. И не ворчи.

– Я не ворчу, – обиженно сказала мама. – Я давно о фотоаппарате мечтала. Только пусть он действительно будет Сашин, а то я нажму какую-нибудь не ту кнопку, и всё взорвётся.

– Я не покупаю фотоаппараты с вмонтированными в них атомными бомбами, – пожал плечами папа. – Сашка, иди сюда, я тебя научу, как с этим обращаться.

Саша благоговейно взяла в руки хрупкую чёрную коробочку. Это была самая дешёвая «мыльница», которую только смог найти папа, но Саше, не избалованной дорогими подарками, она казалась прекрасной, как золотая шкатулка эпохи Возрождения. Девочка быстро усвоила нехитрую науку и уже не расставалась с подарком, снимая всё подряд: рассвет над сараем, портрет мамы на фоне капусты, подол пролетавшей мимо фотоаппарата Стаськи, лист петрушки, плавающий в супе... Особенно здорово было фотографировать котят: Муму падает с яблони с мухой в зубах, Офелия вылезает из банки варенья, Ваня Бренди пристаёт к осе, чтоб она его погладила... В конце концов она так надоела котяткам, пытаюсь рассадить их в красивых позах, что зверюшки удирали, едва завидев, как Саша подносит к глазу чёрную коробочку.

– Можно подумать, что я их отстреливать собираюсь, – обижалась Саша.

– Ты фотографируй меня, – предложила Стася.

– Я пыталась, – возразила Саша. – Но не успеваю я нажать на кнопку, как ты убегаешь из кадра. У меня уже по крайней мере пять прекрасных фотографий твоей левой пятки. Остальное куда-то усвистало.

Стася подняла ногу и с интересом осмотрела свою левую пятку.

– Тогда Дашкуними, – сказала она. – Даша маленькая, не так быстро бегают.

– Дашенька лучше, – кивнула Саша. – Я её усадила на скамеечку на фоне пионов, чтоб эффектно было. Пока я нажимала на кнопку, она свалилась со скамеечки в пионы прямо на сидевшую там Офелию, которую подбросило в воздух взрывной волной или как там это называется. Итак, мы имеем чудный снимок двух торчащих из пионов ног, а над ними гордо реет котёнок, и все орут. Я просто предвкушаю, как это будет выглядеть в напечатанном виде.

– Ор не получится, – сказала Стася. – На фотографиях звук не отпечатывается.

– Они так громко кричали, что всё может быть, – вздохнула Саша. – Нет, я лучше буду натюрморты фотографировать. Грабли на фоне помойного ведра. А то с портретами сплошная нервотрёпка.

– Можно заняться исследованиями, – сказал подошедший Иван. – Делать фотографии неопознанных и подозрительных объектов, типа снежных людей. Я знаю одно место...

– Спасибо, – отказалась Саша. – Думаю, ни в какое одно место мне ходить не надо. Самый подозрительный объект во всём посёлке – это Ванька Лапшов с фингалом под глазом. Если хочешь, сниму тебя для медицинского журнала.

– А ты вообще снимай всё подряд, – посоветовал папа Миша, – это называется «хроника дня». Газеты с руками оторвут.

– Не хочу я, чтобы у меня руки оторвали, – возразила Александра. – Венера Милосская из меня всё равно не выйдет.

– Венера Милосская была голая, – сказала образованная Стася и посмотрела на сестру, пытаясь представить её без рук и без одежды. Иван тоже, видимо, что-то представил, потому что покраснел.

– Да ну вас, – скривилась Саша. – Я буду фотографировать ЧТО ХОЧУ. Это МОЙ фотоаппарат, понятно?

– А если я буду себя хорошо вести, дашь нажать на кнопку? – спросила Стася.

– Да, – согласилась Саша. – Я ничем не рискую, ты просто физически не способна хорошо себя вести.

– Тогда дай просто так, – попросила Стася. Саша протянула фотоаппарат, счастливая Стаська торжественно нажала на кнопку.

– Ты сфотографировала Ванькины сандалии на фоне ревеня, – сказала Саша. – Если повезло, то в кадр вошла вон та консервная банка для ловли слизняков.

– Здорово! – восхитилась Стася. – Думаю, это очень красиво.

– Бесподобно, – вздохнула Саша и направилась помогать мамам накрывать стол под яблоней.

Почётное место заняли в середине стола тарелка с окрошкой, миска черешни и батон докторской колбасы.

– Ну-с, – потирая руки, сказал папа Андрюша, – за что... едим?

Папа Миша достал изрядно потрёпанную в ночных переделках газету «Уральский рабочий», развернул и продемонстрировал целую страницу убористого текста под рубрикой «Открытия XXI века». Анонс интервью был вынесен на первую страницу вместе с цветной фотографией сухощавого лысоватого дяденьки в очках.

– Это профессор Бердюгин, – объяснил папа Миша. – И он наконец доказал... ну, почти доказал, что люди заброшены на землю из космоса. И что инопланетяне регулярно посещали и посещают нас. И что происходит это не где-нибудь, а у нас под носом!

– Во как! – удивился папа Андрюша. Он был биолог, и его всегда учили, что человек произошёл от обезьяны. И Андрей Викторович тоже учил этому екатеринбургских школьников.

– Прямо так и доказал?

Папа Миша кивнул и показал ещё одну небольшую чёрно-белую фотографию в конце материала:

– Он давно над этой темой работает и наконец наткнулся на древние камни с рисунками гуманоидов. Вот, это гуманоид на камне, которому 40 тысяч лет. А ещё он нашёл камни с какими-то письменами.

– Гуманоид? – живо заинтересовался Иван, разглядывая выцарапанного на камне большеголового человечка. – Хорошо сохранился. Выглядит как плод на четвёртом месяце беременности.

– Откуда такие познания? – удивилась мама Лена.

– Это мы к появлению Малявки готовились, книжки разные читали, – объяснила за Ивана мама Оля.

– А Максимка тоже от инопланетян произошёл? – поинтересовалась Стася.

– Надеюсь, что нет, – ответил Максимкин папа и посмотрел на маму Олю. – Надеюсь, что он от меня произошёл.

– Это ты у своего Бердюгина уточняй, – сказала мама Оля, – а на меня не косись.

– Я бы не хотела произойти от этого большеголового, – продолжила тему мама Лена, разрезая колбасу. – Мне как-то ближе идея божественного возникновения человека. Хоть я и не очень-то верю, что на моё изготовление хватило одного-единственного ребра... не тот у меня объём.

– А мне не нравится, что Бог делал, делал, приговаривал: «И это хорошо. И это тоже хорошо», а потом посмотрел, разочаровался и всех потопил, – сказала Саша, которая не очень давно прочитала Библию. – Я просто не понимаю, чем все звери-то провинились, чтобы их топить? Глупо как-то...

– А я бы Прокопа потопил, – вставил о наболевшем Иван. – Даже если он не просто тварь божья, а посланец другой планеты.

В этом месте Стася очень обрадовалась, что Прокоп может быть посланец, и тут же решила навести мосты с другими цивилизациями. Она позвала Дашу и пошла к забору.

– Кукареку! – закричала Стася в щёлку со слегка инопланетным акцентом.

– Кукареку! – подхватила Даша.

– Пусть знает, что мы его понимаем, – объяснила Стася.

С другой стороны забора выглянула бабка Терёха.

– А где петушок? – спросила её Даша.

– Вы моего петуха трогать не смейте, – пригрозила соседка и опять скрылась, принявшись усердно прореживать морковь.

– А мы и не трогаем, – возмутилась Стася. – Пойдём, Даша, копать. Или прореживать. На даче всегда надо копать или прореживать.

И девочки удалились в малинник.

А за столом папа Миша объяснял, почему все с таким интересом отнеслись к версии профессора Бердюгина. Он даже прочитал кусочек из интервью, который, честно говоря, вам можно вообще не читать. Особенно если вы не любите всякие скучные размышления. Поэтому можете с чистой совестью покукарекать или что-нибудь попрореживать, пока профессор приводит свои доказательства нашего инопланетного происхождения:

«Мы имеем перед собой неоспоримые факты неприспособленности человека к земным условиям. Человек рождается беспомощным детёнышем. Человек долго взрослеет и умнеет (а наши ближайшие родственники – обезьяны – становятся взрослыми в 8-10 лет). Он не может обходиться без одежды. Падая, он не умеет, как кошка, ловко извернуться и встать на ноги, а больно стучается. Биоритмы всех животных и птиц соответствуют 24 часам. Если человека посадить в подземелье, он скажет, что прошли сутки, через 30 часов. Он не умеет, как звери или растения, предчувствовать землетрясения или цунами. Он страдает от магнитных бурь и перепадов давления. И самое непонятное: жизнь человека протекает в бессознательном состоянии. Если на большом листе бумаги, символизирующем наш мозг, выделить ту часть, которая относится к сознанию, то это будет всего лишь небольшой кружочек на белом поле.

Если бы мы решили записать всю информацию, которую способен вместить наш мозг, то получилась бы огромная библиотека: 10 миллионов книг по 600 страниц. Такой способностью обладает каждый человек! А мы часто не помним даже собственный номер телефона!

Корреспондент: Неужели природа допустила столько ошибок, творя из обезьяны человека? Или это наш мощный потенциал? И наши потомки научатся им пользоваться?

Бердюгин: Это не ошибка. Это доказательство того, что человек вовсе не сын Земли. Наверняка на нашей родной планете всегда тепло, притяжение гораздо меньше (и падать не больно!), сутки длятся 30 часов и мозг полностью загружен творческой работой, а не поиском пищи. Может быть, человек, действительно, появился в таком месте, которое затем назвали раем? А потом его переселили на Землю. В наказание.

Корреспондент: Да, об этом говорят многие религии. Но, увы, научных доказательств существования инопланетных или божественных сил наука пока не может предоставить.

Бердюгин: Ну почему же? Мы можем установить место высадки инопланетных сил. Даже если сделать самый простой морфологический и фонетический анализ слова «Урал», то увидим, что состоит оно из трёх легко поддающихся расшифровке частей: У – РА – Л. Кто не знает о боге солнце Ра? «Л» – это суффикс прошедшего времени, поэтому абсолютно прозрачным становится значение названия нашего края: «Здесь был РА». Наша область посещалась богом Ра. А с учётом древних рисунков, на которых изображены существа явно неземного происхождения, и надписей на камнях, которые ещё требуют расшифровки (они обнаружены мною именно в горах Среднего и Северного Урала), гипотеза становится научно доказанным фактом. Мы – посланцы другой планеты... Надеюсь, через месяц это станет очевидным для всех. Сейчас артефакты находятся в обработке».

Гусеницы и жучки, изредка падающие с яблони в тарелки, никому не мешали наслаждаться ясным июньским днём. Девочки прореживали малину. Котята копошились в остатках клубники. Малявка ковырял совочком землю. Кошмар, растянувшись под столом, изредка клацал челюстью – пугал мух. И мама Лена подумала, что в любом случае, откуда бы все это ни появилось и куда бы ни исчезло, – это хорошо и правильно и в данный момент даже имеет какой-то смысл. А мама Оля тихонько и сознательно радовалась тому, что интервью заметили, перепечатали в московских газетах и разместили на множестве сайтов за такой гонорар, который готов примирить её с тем, что она, вероятно, произошла не от знакомой старой трудолюбивой обезьяны, а от зелёного скользкого гуманоида. «Купим Ивану новый аквариум», – скромно подумала она. И потом подумала также: «Ещё купим Малявке надувной бассейн, Даше – велосипед, бабушке – лапшерезку. И, если останется, мне – путёвку на необитаемый остров. Хотя бы на 12 часов...» А бессознательная часть мамы Оли тоже радовалась, но другому. Но мы, увы, не можем узнать чему. На то оно и бессознательное. И мама Оля совершенно бессознательно улыбалась, вполне счастливая без аквариума и путёвки, глядя на детей и на солнце, которое затормозило над верхушками елей, словно размышляя: опуститься медленно или быстренько промчатся сквозь колючие ёлки на другую сторону Земли.

Вечер наступил быстро. И Лапшовы-старшие засобирались в город.

– Дашенька, – сказала на прощание мама Оля, – веди себя хорошо и следи за Кошмаром.

– Иван, – сказал папа Миша, – а ты следи за Дашей.

– А за Иваном будет следить Александра, – распорядилась мама Лена.

– А за мной будет следить мама Лена, а за мамой Леной – папа Андрюша, – кисло продолжила Саша.

– Замечательно! – одобрила мама Оля и, заметив готовую возмутиться Стасю, дополнила: – Видимо, за папой Андрюшей придётся следить Стасе.

Стаська довольно заулыбалась.

– Я, как всегда, самая главная, – кивнула она.

И Лапшовы, перецеловав всех, включая Кошмара, которому как-то не поручили ни за кем следить, отправились на электричку.

Глава восьмая. Отелло в клубнике

Иван проснулся раньше всех. Ему нужно было подумать в тишине и покое. А прошедшим днём и вечером это было совершенно невозможно, потому что Стася и Даша делали чучело и процесс сопровождался неукротимым визгом. Собственно говоря, Иван тоже принимал участие и, как подобает мужчине, сделал самое сложное: воткнул шест между клубничных грядок, прибил крестовину, соорудил из тряпок голову. Остальное довершили девчонки: надели на чучело штаны, рубаху, вместо шляпы – старый детский горшочек. Саша принесла красную тряпку и повязала пояс.

– Как у тореадора, – сказала Саша, любуясь делом рук своих. Она только что прочитала про Кармен.

– Тореадоры в горшках на голове не ходят, – возразил Иван.

– А зря, – парировала Саша. – Горшочек железный, ни один бык не пробьёт. Голову беречь надо! Это у тореадоров слабое место, насколько я поняла из классики.

Вообще-то горшок был не самой удачной выдумкой, потому что всё время падал на тех, кто сидел на грядке и ел клубнику. Зато Дашенькина идея была просто гениальной. Она раскопала на чердаке ящик со старыми ёлочными игрушками и вдвоём со Стасей развесила их на чучеле, чтобы они сверкали и отпугивали дроздов, против которых и затевалось всё это мероприятие. Безумный облик чучела завершили тёмные очки и надутые красные резиновые перчатки, привязанные вместо рук.

– Жуть! – поделилась впечатлениями мама. – Этот псих на грядке меня с ума сведёт. Только я присела за ягодкой, как – бах! – мне на спину свалился горшок. Я вскочила, а он надо мной возвышается и красными, будто окровавленными, руками машет. Того и гляди задушит, как Отелло Дездемону.

Поэтому чучело получило имя Отелло. Вообще-то Отелло был смирный, ни на кого не бросался, стоял себе на грядке, звенел шарами и задумчиво смотрел на дроздов сквозь тёмные очки.

– Из-за очков он похож на шпиона, – сказал Иван.

– Ага, раньше был тореадором, а потом решил, что у тореадора зарплата маленькая, лучше пойти в шпионы, – хмыкнула Саша. – Везде тебе, Ванька, шпионы да бандиты мерещатся.

– Но я же прав, – возмутился Иван. – Помнишь, как три японских бандита пытались выкрасть у вас японскую рыбку, которой мошенник Котокото засунул в рот рубин, алмаз и изумруд?

– Это было в первой книжке про нас, «Верните новенький скелет!», – кивнула Саша.

– А помнишь жуткую кражу коробочки с привидением и крокодила, упавшего на преступника Вальдемара?

– Это было во второй книжке, «Привидение – это к счастью», – сказала Саша. – А сейчас уже третья книжка, и в ней никаких бандитов не предвидится. Я лично собираюсь наслаждаться покоем.

– Это мы ещё увидим, – сказал Иван и процитировал фразу из старомодного детектива Агаты Кристи. – «Мир полон зла...»

Через минуту, бросая гневные взгляды в сторону Прокопа, Иван сидел на лавочке рядом с бабушкой Терехой. Восемидесятилетняя дачница была в спортивных штанах и такой же, как у Лапшова, футболке с рекламой партии пенсионеров. Иван обнаружил эту униформу среди оставленных мамой вещей и правильно решил, что для налаживания контакта с соседкой это как раз то, что надо. – С глазом-то что? – спросила соседка.

– На грабли наступил нечаянно, – смиренно ответил Иван.

Соседка подумала и опять спросила, кивнув на шишку у виска:

– С головой-то что?

– В темноте упал на стул, – вздохнул Иван, пригладив волосы.

Терёха ещё раз осмотрела Ивана сверху донизу, но никакой темы для разговора больше не нашла и спросила напрямик:

– А надо-то что?

Ванька, стараясь выглядеть смиренным, тихим, интеллигентным и даже робким мальчиком, вздохнул.

– Да я хотел спросить у вас, Раиса Рамуиловна, вы случайно не знаете, кто раньше жил на той даче, с тополем?

Соседку действительно по паспорту звали Раиса Рамуиловна Терентьева. Предусмотрительный Иван разузнал это ещё вчера и твёрдо выучил.

– А тебе зачем? – старушка опять осмотрела подростка. Иван знал, что главное для сыщика не столько интуиция, сколько терпение, и, сказав в душе несколько нехороших слов про «старую каргу», вежливо объяснил:

– Да если там никто не живёт, мы бы играли на холме – там же грядок нет, места много.

Старушка удовлетворённо кивнула.

– Какие грядки, там камни сплошные. Я надумала погреб рыть, да лопату об булыжники сломала. Хорошо, добрый человек нашёлся, дачу купил.

– Значит, там раньше вы жили? – удивился Иван.

– Да какое жила, мучилась! – вздохнула Терёха. – Хорошо, пять лет уже, как перепродала.

– То есть вы уже там не живёте? – уточнил для себя Иван.

– Ну а то как! Не буду же я вместе с этим хвостатым жить.

Иван чуть не подскочил. А соседка равнодушно достала из кармана несколько семечек и бросила Прокопу.

– Ух ты! – обрадовался Иван. – Вы его тоже видели?

– Кого? – не поняла старушка.

– Снежного человека! – выпалил Иван.

– О-о-о, – ответила Раиса Рамуиловна. – Он, что ли, снежный человек? А я думала просто художник какой – волосы чёрные, длинные, сзади в хвост завязаны. Пару раз приезжал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.